

СУХОМЛИНА С.П.

СТАНОВЛЕНИЕ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ II.

Юридическим фундаментом дворянского самоуправления являются два важнейших законодательных акта Екатерининской эпохи: “Учреждение о губерниях” (1775 и 1780 гг.) и “Жалованная грамота дворянству” (1785 г.). Создание провинциальных дворянских корпораций стало частью широко задуманных реформ Российского государства и общества. Однако ответ на вопрос, какие именно цели преследовала Екатерина II, создавая губернские дворянские организации, не получил однозначного ответа у многочисленных исследователей этой эпохи.

Думала ли императрица об устройстве сословной монархии по рецептам почитаемого ею Монтескье? Или хотела занять праздное после 1762 года поместное дворянство? Или, испытывая острую нужду в кадрах для местной администрации, увидела скорый выход в создании дворянского самоуправления? Какие образцы сильнее повлияли на Екатерину II? Английский selfgovernment или сословное самоуправление остзейских провинций? И до какой степени учла императрица наказы дворянских депутатов Комиссии 1767 года? Не попытавшись разобраться в мотивах реформ, невозможно достоверно оценить их реальные результаты.

Затруднение, кажется, состоит в исключительной эклектичности подхода Екатерины II к реформам. Эклектичности, возведенной в принцип. “В ее емком уме укладывались предания немецкого феодализма рядом с привычками русского правления и политическими идеями просветительского века, и она пользовалась всеми этими средствами по своим наклонностям и соображениям,” – уверяет тонкий знаток личности императрицы В. О. Ключевский, подтверждая эту свою мысль цитатой самой Екатерины из письма к Вольтеру, что “ее девиз – пчела, которая, летая с растения на растение, собирает мед для своего улья”.¹ Тем более важно установить систему реальных приоритетов среди различных образцов и мотивов, которые оказали влияние на реформу.

Не меньшую сложность вызывает оценка общественных (в нашем случае дворянских) настроений эпохи реформ. Кого считать выразителем господствовавших мнений: дмитровских дворян, предложивших простую и ясную концепцию самоуправления, или пресловутый наказ от дворян Юрьева-Подольска, которые заявили, что “по скудоумию” не имеют жалоб?² Впрочем, разноголосицу дворянских наказов можно привести к одному знаменателю. Но существовал ли этот знаменатель в настроениях очень неоднородного общества?

Упрощая нашу задачу, сформулируем вопрос следующим образом: насколько власть была искренна в своих намерениях предоставить дворянству самоуправление? И насколько дворянство было подготовлено к практической реализации системы самоуправления?

Не только любопытным, но и весьма характерным является тот факт, что дворянские организации возникли “по случаю поводу”, как выразился С. А. Корф. 14 декабря 1766 года в Указе “об учреждении в Москве комиссии для сочинения нового уложения и выборе в оную депутатов” было предписано произвести выборы депутатов от дворянства на уездных собраниях. Руководство выборами поручалось выборному же предводителю дворянства, чью должность можно считать первым институтом дворянского самоуправления.³

Указ этот, не первый в своем роде (А. Романович-Славатинский приводит пример, как депутатов в комиссию 1728 года собирали с солдатами и угрозой описать их имущество в пользу государства)⁴, впервые вызвал общественный энтузиазм. Все исследователи поэтому согласны, что отмена обязательной службы “Манифестом о вольности дворянства” в 1762 году создала необходимую и до этого отсутствовавшую социальную “почву” для создания провинциальных дворянских корпораций. Психологическую основу составили опыт жизни в столицах, привычка к общению и к обществу. Интеллектуальными посылками к общественной деятельности стали отдаленные плоды петровского просвещения и стимулирующий интерес новой императрицы к теоретическим вопросам общественного устройства.

“Мыслящее меньшинство” оценило возможность политического самовыражения. Инертному большинству показалась заманчивой возможность встречаться, общаться и решать вопросы в благородном собрании первого по значению сословия. Балы и обеды, сопровождавшие выборы, заметно оживили культурную жизнь провинции.

Впрочем, с дворянскими корпорациями составители наказов связывали не только надежды на светское времяпрепровождение. В наказах депутатам Комиссии 1767 года желание дворян сохранить дворянские съезды и должность предводителя дворянства сосуществовало с жалобами на местную администрацию. Через свои сословные органы дворяне желали или иметь влияние на местное управление, или даже принимать в нем участие.

Дворянские наказы стали предметом многочисленных исследований и острой критики. Романович-Славатинский упрекает дворянских депутатов в приверженности к узкосословным интересам и нежелании участвовать в местном управлении: “Ничего подобного английскому

self-government через мировых судей".⁵ В. Григорьев, напротив, полагает, что английские порядки совпадали с интересами екатерининского дворянства.⁶

С. А. Корф, подсчитав, что из 158 наказов о выборных органах говорят только 23, пришел к выводу, что "стремление участвовать в администрации уезда было сильнее ... желания иметь свой выборный орган", и уидел в этом несформированность сословных интересов у дворян.⁷

В целом наказы критикуют за "необыкновенно узкую сословность, игнорирующую как интересы других сословий, так и общегосударственные интересы".⁸ "Русские люди XVI века просили своих государей пожаловать их всесословными, земскими выборными управлениями. Русские люди XVIII века просят ученицу Вольтера и Монтескье пожаловать их сословным дворянским предводителем, воеводой или опекуном".⁹

При всей горькой справедливости этих слов, нужно обратить внимание на ясно проступающую в них парадигму российского политического мышления, которое к словосочетанию "интересы отдельных общественных групп" легко присоединяет эпитет "эгоистические" и склонно "общественные интересы" отождествлять с "общегосударственными". И стоит ли винить авторов наказов в недостатке образования, если сам Монтескье видел в строгом сословном делении политический идеал.

Между тем наказы, при всей их "необыкновенной узкосословности" спорадичности и отрывочности, демонстрируют очевидное стремление взять местную администрацию под контроль дворянских обществ и дают достаточно материала для создания действующей модели самоуправления. В наказах, предполагавших выборность чиновников, предусматривалось право избирателей слушать отчет, судить, штрафовать и сменять или предоставлять предложения об их смене Сенату.¹⁰

Однако практика деятельности Комиссии показала, что участие в местном управлении и создание дворянских корпораций не стали главными приоритетами дворянских депутатов. Столкнувшись в одном собрании с представителями других сословий, депутаты от дворянства начали, с одной стороны, защищать свои привилегии (землевладение и "душевладение") от посягательств "неблагородных". А с другой стороны, втянулись в дискуссию об изменении принципов получения прав дворянства, горячо споря, что важней, "порода" или "чин".

В результате в проекте "правам благородным", составленным Комиссией, вошли только очень неопределенно выраженные статьи о дворянских корпорациях. Помещикам было разрешено съезжаться в определенное место и время, избирать из своей среды земских судей, вести списки и содержать архив.¹¹ Сконцентрировавшись на защите прав и преимуществ своего сословия, дворянские депутаты проигнорировали мнения наказов о месте и роли дворянских провинциальных организаций.

Выборы предводителя дворянства стали регулярными согласно указу от 25 сентября 1771 года.¹² С. А. Корфу принадлежит наблюдение, что следующий по номеру указ возлагает на предводителей общедминистративную функцию – участие в противоэпидемических мероприятиях ("предосторожность от прилипчивой болезни"). "Можно с некоторой вероятностью предположить, что именно эта причина, т.е. невозможность гг. губернаторам и воеводам везде усмотреть и послужила поводом к утверждению предводительской должности навсегда".¹³

Заметим, что вероятность приведенного выше предположения очень высока. Но хотя должность предводителя дворянства возникла и была утверждена, как кажется, по обстоятельствам случайным, тем не менее, ее появление вполне отвечало потребностям времени. Предводители дворянства были записаны в чиновничий резерв местной администрации и быстро заняли в ней прочное место.

На первый взгляд, это отвечало требованиям наказов – допустить представителей дворянских корпораций к деятельности по местному управлению. Но уровень этого допуска чрезвычайно низок. Предводители дворянства получали от правительства не права и полномочия, а только задания.

Указ от 5 февраля 1772 года, запрещавший предводителям представлять прошения прямо в Сенат, лишил их главного на тот день преимущества – возможности непосредственного общения с центральной властью, а значит, и независимости в отношениях с властью губернской.¹⁴

Исторический смысл все эти указы получают только в контексте подготовки большой реформы местного управления. Как известно, императрица примерялась к реальным обстоятельствам и ценила этот опыт больше, чем сентенции своих западноевропейских корреспондентов.

Главная задача реформы была очевидной – сделать местную власть управляемой и эффективной. Ясно было, что управляемость и эффективность, в этом случае, - параметры жестко взаимосвязанные. И только введение системы действенного контроля над погрязшей в злоупотреблениях администрацией регионов могло обеспечить решение самых наболевших проблем общества.

Теоретически Екатерина II могла решить эту задачу двумя путями: наладить систему самоуправления или усилить бюрократическую вертикаль.

На первый взгляд, в "Учреждении о губерниях" императрица попыталась соединить оба пути. С одной стороны, наместник – главное действующее лицо нового уложения. Облеченный юридически неконкретным званием "хозяина губернии", наместник должен был стать связующим звеном между

местной и центральной властью.

С другой стороны, “Учреждение” предоставляет право выбора большой части чиновников местным сословным организациям.¹⁵ Это право произвело заметное впечатление как на современников реформы, так и на подавляющее большинство ее исследователей.

Окрыленное доверием правительства, дворянство в некоторых собраниях постановило принять на содержание всех избираемых дворянством чиновников.¹⁶ Общественный энтузиазм, по свидетельству современников, был всеобщим.

“Дворянство получило больше, чем просило, и даже больше, чем хотело, – уверен А. Романович-Славатинский.¹⁷ С. А. Корф полагает, что “если сравнивать пожелания дворянских обществ, вылившихся в наказах, с тем, что “Учреждение” дало дворянству, организуя местное управление, – мы увидим, насколько правительство пошло навстречу стремлениям дворянства”.¹⁸ В. О. Ключевский считает, что после введения акта 1775 года все местное управление сосредоточилось в руках дворянства.¹⁹

Так ли было на самом деле? Даже формальный анализ текста “Учреждения о губерниях” дает однозначное представление о приоритетах реформы. Документ, подробно регламентирующий многие частные вопросы, исключительно скрупулезно освещает место и функции дворянского собрания (ст. 108, 109), а предводитель дворянства только упоминается среди других выборных лиц и органов (ст. 50).

Дворянские собрания признаются только в виде избирательных собраний, других функций им не было дано никаких. Правда, “...они (дворянские собрания. – С.С.) фактически могли тем самым воздействовать на уездное управление, но правительством за дворянским собранием такого права не было признано”, – считает С. А. Корф.²⁰

Таким образом, объем полномочий в местном управлении, которые получили дворянские общества по “Учреждению о губерниях”, был совсем незначительным. Право выбора – важный элемент самоуправления, – не было подкреплено правом контроля. Служба по выборам не приобрела особого статуса, и избранный чиновник никаким образом не зависел от своих избирателей и не мог считаться “агентом влияния” дворянских корпораций в местной администрации.

Было ли указанное обстоятельство результатом недоработки или характерные предпочтения реформы местного управления определялись иными причинами? В. Григорьев, подробно разбирающий идеальные источники “Учреждения о губерниях”, ставит под сомнение искренность намерений Екатерины II создать самоуправление сословий. “В связи с тем, что известно о ее политическом мировоззрении, которое даже в период высшего проявления либерализма, т.е. в 1767-1768 годах, не доходило до ограничения самодержавия, отрицательное отношение к сословным корпорациям, а следовательно к самоуправлению, которое тогда и не мыслилось иначе, как в сословной форме, становится вполне понятным”.²¹

Екатерина II отказалась от идей своего “учителя” Монтескье, не сумев применить их к российской действительности, – считает В. Григорьев – и обратилась к немецким ученым-полициистам, в теориях которых свобода отступала на второй план, а впереди ставились цели всеобщего благосостояния народа.²²

Строгая регламентация и централизованный контроль – вот основные принципы реформы местного управления. Автор “Учреждения о губерниях” не имела времени и опыта составить регламент для каждой из структур местной администрации, но, очевидно, стремилась к этому, считала свою работу незавершенной и даже относила ее окончание к будущему. Исключительно строго относилась к отбору “контролеров” – наместников: соратники императрицы отвечали за порядок в двух, а то и трех губерниях.

Наконец, она считала своим долгом лично контролировать ход дел на местах. Ежегодно Екатерине II представлялись подробные статистические таблицы о движении дел по всем центральным и местным учреждениям. При этом в таблицах не только указывалось количество дел, но и сообщались сведения о посещении заседаний членами присутственных мест с объяснением причин отсутствия.²³

Какую же роль в этой системе должны были играть сословные дворянские организации? Исходя из вышеизложенного, довольно скромную – поставщика кадров для местной администрации. Как оструумно заметил А. Лохвицкий, “Екатерина II перечислила дворянство относительно отправляемой службы из военного министерства в министерство внутренних дел”.²⁴

Но, может быть, законодательница только отложила легитимизацию дворянского самоуправления? Такой точки зрения придерживается С. А. Корф. Серьезным аргументом в пользу этого мнения может служить издание в 1785 году двух “Жалованных грамот” – дворянству и городам. Этими правовыми актами правительство окончательно сформулировало права и привилегии сословий и определило формы сословного самоуправления.

В “Грамоте на права, вольности и преимущества благородного дворянства” отчасти был реализован давний замысел – “Проект правам благородных”, составленный еще в Комиссии 1867 года. Отчасти –

обобщен практический опыт, связанный с деятельностью дворянских корпораций. И если юридические нормы, касавшиеся гражданских прав дворянства, не содержали ничего принципиально нового, то тридцать три статьи, определявшие положение дворянского самоуправления, представляют значительный интерес. Впервые в российском законодательстве был определен статус общественной организации.

“Жалованная грамота” окончательно утверждала губернское дворянское общество в правах юридического лица. Органом губернского дворянского общества стали дворянские собрания, созываемые с периодичностью раз в три года. Предметы совещаний дворянского собрания касались двух сфер – местного управления и внутрисословного самоуправления.

В области местного управления права дворянских корпораций расширились, по сравнению с “Учреждением о губерниях”, возможностью делать представления наместнику или губернатору “об общественных нуждах и пользах”, а также через депутатов обращаться к Сенату и к императору.

В области внутрисословного самоуправления дворянские собрания получили право избирать своих представителей – губернского и уездных предводителей дворянства, депутатов для решения вопроса о принадлежности к сословию, составления и ведения губернской родословной книги. Дворянское общество могло иметь свою казну, составленную добровольными складками.

Дворянское собрание получило юридический иммунитет – его невозможно было взять под стражу или привлечь к суду. Вместе с тем предполагалось штрафовать Дворянские собрания на 200 рублей за противозаконные постановления – рассматривалась, таким образом, возможность таких постановлений.

Искренность верховной власти в отношении дворянского самоуправления иллюстрирует предшествовавший “Жалованной грамоте” документ: “Высочайшие резолюции на докладные пункты генерал-губернаторов: о порядке выборов в губерниях должностных людей из дворян и купечества” от 25 ноября 1778 года.²⁵ Для того, чтобы оградить дворянские выборы от давления, указ этот запрещал наместникам присутствовать при выборах.

Нужно признать, что для России XVIII века “Жалованная грамота” – в юридическом отношении особо важный документ. Дворянство получило законодательную возможность сословного самоуправления. Одновременно аналогичные права были предоставлены городскому сословию – не имевшему в русском языке даже особого названия. Таким образом, в России впервые были оформлены автономные от государства структуры. Сословия, служившие в России прежде только проекцией государственных нужд на население, получили возможность самодеятельности.

Почему же так слабо была реализована эта возможность? Почему “дворянские выборы не составляют светлого периода в истории этого сословия”?²⁶ За редким исключением, исследователи видят одну причину – невежество дворянства, не сумевшего подняться до высоких идеалов общественной жизни. Причина очевидная, но не единственная.

Более подробное изучение положений о дворянских корпорациях вскрывает множество несообразностей. Структура дворянского самоуправления нелогична: не предусмотрены исполнительные органы и внутренняя иерархия. Дворянские депутатские собрания подчинены Сенату, дворянская опека, финансируемая за счет дворянских корпораций, – уездному суду. Уездные предводители независимы в своих действиях от губернского предводителя, и не ясно, каким образом и кому подотчетны предводители.

Компетенция дворянских обществ определена декларативно – “совещание о пользах и нуждах”. Эта неопределенность заставила А. Градовского усомниться в наличии местных интересов у дворянства. “Перечитывая узаконения о дворянских обществах, невольно спрашиваешь себя, зачем организовано это общество и к чему оно призвано?”²⁷ Закон, считает Градовский, не мог создать таких интересов. Трудно согласиться с таким мнением. Наказы дворянским депутатам ясно продемонстрировали “тяготение к деятельности на местах”²⁸. И если Дмитровские дворяне сумели составить ясный проект деятельности местного самоуправления (проект этот подробно описывает и хвалит В. О. Ключевский)²⁹, то что помешало просвещенной правительнице сделать это?

Единственная определенная зона ответственности дворянского самоуправления – составление губернской родословной книги. Но и здесь последнее слово за Сенатом, а дворянские собрания могут лишь требовать прочтения протокола заседаний дворянского депутатского собрания.

В области местного управления за дворянскими собраниями по-прежнему сохраняется роль “избирательной машины”. Право ходатайствовать перед верховной властью выражено так неясно, что М. М. Щербатов назвал его зло – “позволением визжать, когда кого бывают”³⁰. В этом отношении, дополняя “Учреждение о губерниях”, “Жалованная грамота” не меняет его принципиальных положений.

И наконец, неопределенность во взаимоотношениях с местной властью. Юридически закон защищает суверенитет дворянских корпораций, но фактически генерал-губернатор, как “хозяин

губернии”, несет ответственность за происходящее перед центральной властью, а потому стремится влиять на Дворянское собрание. Рассматривая дворянские корпорации как часть общей системы государственного устройства России, мы можем согласиться с мнением И. Блинова, который писал, что “опека над дворянским самоуправлением была одним из явлений, характеризовавших Россию XVIII – первой половины XIX века, как полицейское государство было результатом основного взгляда на подданных … как на малолетних и неспособных управляться без бюрократической указки”³¹.

Все указанные несовершенства созданной системы дворянского самоуправления можно было бы отнести на счет отсутствия практического опыта. Но известно, что образцом для законодательницы стала успешная практика деятельности подобных учреждений в Остзейском крае.³² Кроме того, “Жалованная грамота” была издана спустя десять лет после начала деятельности дворянских корпораций и, таким образом, не может считаться фантазией замечавшегося “философа на троне”.

Дворянское самоуправление в озтзейском варианте, когда избранные дворянством должности судебной и полицейской власти подчинялись не коронным властям, а дворянской корпорации,³³ не соответствовало самодержавно-бюрократической идеологии “Учреждения о губерниях”. Екатерина II так остроумно препарировала чужой опыт, что обязанность выборной службы в провинции сумела преподнести в виде права, утвердившись в сознании современников и потомков в качестве дворянской благодеятельницы. “Нельзя более рельефно установить роль и положения дворянского сословия, чем это сделала Великая Императрица”, – так восторженно оценивает идею “Жалованной грамоты” обычно сдержаный С. А. Корф.³⁴

Классической можно считать оценку В. О. Ключевского: “… самое важное значение имели губернские учреждения в истории дворянства: они закрепили его решительное преобладание в местном управлении. Мы видели, что это преобладание выражалось в двух формах: в выборном составе сословных дворянских учреждений и в дворянском происхождении личного состава бессословных коронных учреждений.”³⁵

В свете вышеизложенного такой взгляд представляется спорным. Во-первых, неясно, какие именно учреждения можно считать сословными дворянскими, если даже дворянское депутатское собрание и предводители дворянства не были подотчетны дворянским собраниям. А во-вторых, в дворянском происхождении личного состава русской бюрократии нет ни малейшей “заслуги” Екатерины II. Это обстоятельство было скорее результатом существовавшего порядка вещей, когда чиновники вербовались среди самой образованной части общества, с одной стороны, и с другой, служащие недворянского происхождения легко вливались в состав высшего сословия.

Можно, правда, говорить о классовом инстинкте и классовой солидарности чиновников-дворян. В реальной жизни, по выражению А. Е. Преснякова, “бюрократическая среда была насыщена своими интересами, в значительной мере дворянскими, классовыми, а в текущем быту – личными, кружковыми”.³⁶ Но Екатерина II не позволила политически оформить эти “чувства”.

Во всех реформах, предпринятых императрицей, проявилось ее стремление достроить государственное здание Российской империи на основах самодержавия и централизма. И устройство сословных корпораций – это не столько дань “модным идеям века”, сколько способ преодолеть кадровый дефицит и привлечь дворянство к участию в местных учреждениях, не возвращаясь к практике обязательной службы.

При ближайшем рассмотрении слава Екатерины II как дворянской благодеятельницы несколько преувеличена. Она закрепила в “Жалованной грамоте” уступки своих предшественников, но мало что добавила от себя.

Была ли такая доктрина адекватна потребностям государства и возможностям общества? Как представляла Екатерина II перспективы созданных ею сословных организаций? Ответы на эти вопросы могут быть только гипотетическими.

Исходя из существовавших условий, Екатерина II не сочла возможным модернизировать систему местного управления по западным образцам, опасаясь, вероятно, гегемонии сословия “душевладельцев”. Лучшей альтернативой императрица считала соединение возможностей самодержавной власти с преимуществами просвещения. Недаром она так заботилась о воспитании внуков, полагая интеллект и личность монарха основной направляющей силой государственного управления и общественного развития.

Екатерина II искренне верила в возможность создания рационально устроенного и совершенно послушного бюрократического механизма, который мог бы стать лучшим из возможных проводников необходимой политики. Эта теория, ошибочная сама по себе, усугублялась конкретными историческими условиями России – огромной страны со скверными коммуникациями.

Не исключено, что введением элементов самоуправления в сословных корпорациях Екатерина II надеялась стимулировать развитие гражданского общества, отдавая дань своей давней идеи, что “политическая свобода даст душу всему”³⁷. Но существование таких “робких ростков” в инородной

бюрократической среде могло быть обеспечено только постоянным интересом к ним общества и не менее постоянной заботой со стороны центральной власти.

Система дворянского самоуправления просуществовала без малого полтора века, почти всегда оставаясь в стороне от главных коллизий российской жизни. Но история этого института, кроме того, что интересна сама по себе, любопытным образом иллюстрирует сущность российского самодержавия и особенности российской общности.

Литература

1. Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения. – М., 1958.– Т. 5. – С. 75.
2. Там же.– С. 105–106.
3. Григорьев В. Реформа местного управления. (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 года).– СПб., 1910.– С.110–111.
4. Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права.– Спб., 1870.– С. 409–410.
5. Там же.– С. 419.
6. Григорьев В. Указ. соч.– С.192.
7. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762 – 1855.– СПб., 1906.– С. 36, 50.
8. Григорьев В. Указ. соч.– С. 141.
9. Там же.– С. 145.
10. Брюлова С. Общественные идеалы в екатерининскую эпоху // Вестник Европы.– 1876.– Кн. 1.– С. 49–83.
11. Этот проект опубликован в приложении к указанному сочинению С. А. Корфа.
12. ПСЗ II, 13661.
13. Корф С. А. Указ. соч.– С. 87.
14. ПСЗ II, 13757.
15. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты.– М., 1981.– С. 27.
16. Григорьев В. Указ. соч.– С. 322.
17. Романович-Славатинский А. Указ. соч.– С. 419.
18. Корф С. А. Указ. соч.– С. 110.
19. Ключевский В. О. Указ. соч.– С. 127.
20. Корф С. А. Указ. соч.– С.108–109.
21. Григорьев В. Указ. соч.– С. 190.
22. Там же.– С. 126.
23. Там же.– С. 333.
24. Цит.по: Романович-Славатинский А. Указ. соч.– С. 412.
25. ПСЗ II, 14816.
26. Романович-Славатинский А. Указ. соч.– С. 135.
27. Градовский А. Системы местного управления на Западе Европы и в России // Сборник государственных знаний.– СПб., 1883.– Т. 6.– С. 143.
28. Ключевский В. О. Указ. соч.– С. 119.
29. Там же.– С. 105.
30. Щербатов М. М. Сочинения.– СПб., 1898.– Т. II.– С. 300.
31. Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк.– СПб.–1905.– С. 192.
32. Григорьев В. Указ. соч.– С. 196.
33. История Латвийской ССР.– Рига, 1952.– Т. 1.– С. 257.
34. Корф С. А. Указ. соч.– С. 142.
35. Ключевский В. О. Указ. соч.– С. 127.
36. Пресняков А. Е. Российские самодержцы.– М., 1990.– С. 171.
37. Наказ императрицы Екатерины II.– СПб., 1907.– С. LXVIII.